

Р. Эйслер

Всеобщая история культуры

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Р11

Р. Эйслер
P11 Всеобщая история культуры / Р. Эйслер – М.: Книга по Требованию, 2014. – 204 с.

ISBN 978-5-458-58628-3

Представленная книга австрийского философа Рудольфа Эйслера посвящена исследованию культурной жизни человечества с древнейших времен до конца XIX века. Книга разделена на две части. Первая часть содержит описание основных понятий культурной истории. Автор рассматривает сущность культуры, ее происхождение и развитие, созидательные силы и духовные факторы культуры, задачи культурной истории, а также дает краткий обзор отдельных областей культуры. Во второй части книги представлены непосредственно очерки развития культуры различных народов в разные периоды истории. Исследованию автора подвергаются как материальные стороны культуры (промышленность и торговля, техника, пути и формы сообщения), так и духовные - интеллектуальная (наука, философия, просвещение), эстетическая (литература и искусство), этическая (нравственность), социальная (общество и государство, обычаи и право) и религиозная.

ISBN 978-5-458-58628-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ I.

Основные понятія культурной исторіи.

§ 1. Сущность культуры. Задача культурной исторіи.
Что такое «культура»? Спрашивая такимъ образомъ, мы имѣемъ въ виду либо «объемъ» понятія культуры, т.-е. все то, къ чему оно приложимо, либо «содержаніе» этого понятія, т.-е. тѣ признаки, которые составляютъ понятіе культуры. какъ таковое. Раньше чѣмъ отвѣтить, въ томъ или другомъ смыслѣ, на поставленный нами вопросъ, постараемся уяснить себѣ, какъ возникаетъ понятіе культуры: пріобрѣтается ли оно на основаніи опыта, или же оно вытекаетъ изъ самой природы нашего духа? Культура—понятіе эмпирическое, или апріорное, лежащее уже въ самомъ основаніи нашего опыта? На первый взглядъ можетъ казаться, будто это понятіе простое обобщеніе извѣстныхъ фактовъ. Проживаніе въ прочныхъ, безопасныхъ жилищахъ, рациональное веденіе хозяйства, употребленіе орудій и машинъ, разработка наукъ, занятія искусствами, соединеніе людей въ стройную общественную организацію, въ государство, подѣ сънью законовъ и т. д.: совокупность всего этого, повидимому, исчерпываетъ собою понятіе «культуры». Но не трудно убѣдиться въ томъ, что изъ всего приведеннаго, путемъ простого сложенія, нельзя создать понятія культуры, а что во всѣхъ перечисленныхъ областяхъ или проявленіяхъ культурной дѣятельности заключается нѣчто общее, опредѣляемое нами словомъ «культура». То, въ чемъ наука, искусство, техника, нравственность и т. д. сходны между собою, даетъ возможность подвести эти явленія подъ понятіе культуры. И это общее, составляющее самое содержаніе понятія культуры, не заключается въ названныхъ предметахъ въ готовомъ видѣ, какъ нѣчто «данное», оно не есть признаковъ въ себѣ, оно обнаруживается только въ опредѣленномъ къ нему же отношеніи со стороны человѣческаго духа, въ оцѣнкѣ, про-

изводимой ему нашимъ сознаниемъ. Культура, стало-быть, понятие, содержащее въ себѣ извѣстную оцѣнку, и въ этомъ смыслѣ она понятие относительное. Что то или другое явленіе мы считаемъ культурою, обуславливается тѣмъ, въ какомъ оно находится отношеніи къ нашимъ стремленіямъ и идеаламъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы видимъ, что эти стремленія и идеалы приблизительно осуществляются, мы примѣняемъ понятіе культуры; стало-быть, мы черпаемъ его изъ глубины нашего духа, изнутри нашего существа, а не изъ внѣшняго опыта. Мы не только «опытомъ воспринимаемъ» культуру, но мы толкуемъ и оцѣниваемъ извѣстнаго рода опытные воспріятія сообразно нѣкоторой идеѣ, именно идеѣ культуры.

Этотъ характеръ понятія культуры (вѣриѣ постулата культуры, изъ коего выводится ея понятіе) имѣетъ важное значеніе. Непониманіе этого ея характера является болѣею частью причиною колебаній, замѣчаемыхъ при попыткахъ наполнить понятіе культуры определеннымъ содержаніемъ; оно отчасти повинно также въ спорахъ, столь часто возникающихъ относительно цѣнности самой культуры. Нерѣдко полное содержаніе идеи культуры односторонне сводится къ одному какому-нибудь признаку этого понятія, или же, безъ долгаго размышленія надъ его содержаніемъ, въ тѣхъ же видахъ просто останавливаются на одной изъ сторонъ, составляющихъ объемъ понятія культуры.

Постулатъ, выражаемый понятіемъ культуры, заключается въ требованіи человѣческаго совершенствованія въ цѣляхъ высшаго объединенія всѣхъ имѣющихся въ человѣкѣ дарованій, побужденій и стремленій. Это совершенствованіе, это развитіе является для человѣческаго духа цѣлью, которую онъ ставитъ себѣ сознательно, и сообразно съ которою онъ взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ каждое новое свое завоеваніе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно должно разсматриваться и какъ изначально присущая человѣческой природѣ тенденція, еще до всякой рефлексіи инстинктивно стремящаяся себя проявить и развернуться. Идея совершенствованія въ духѣ человѣчности и есть то, съ чѣмъ мы подходимъ, какъ съ чѣмъ-то апріорнымъ, ко всему нами переживаемому, и подведеніе послѣдняго, т.-е. переживаемого, подъ первое, т.-е. идею совершенствованія, и создаетъ понятіе культуры. Это понятіе мы прилагаемъ къ ряду дѣяній и продуктовъ, съ помощью коихъ нѣчто данное. «природа», определеннымъ образомъ формуется и пре-творяется. Но только подыненіе этой творческой дѣятельности идеѣ человѣческаго совершенствованія, только приведеніе соотвѣтственнаго дѣянія въ связь съ начальной цѣлью человѣческихъ стре-

млений дѣлаетъ эту работу культурною. Для наличности культуры необходимы двѣ вещи: форма (активная, претворяющая дѣятельность) и содержаніе (идея), направляющее эту работу. Итакъ, мы приходимъ къ слѣдующему опредѣленію понятія культуры: культура— активное претвореніе, обработка данныхъ природы, естественныхъ матеріаловъ въ духѣ и на службѣ идеи человѣческаго совершенствованія.

Всякая направленная въ эту сторону дѣятельность будетъ культурною дѣятельностью, культурною работою, каждое произведеніе ея будетъ культурнымъ фактомъ, объективною культурою, «культурою» въ объективномъ смыслѣ.

Стремленіе къ совершенствованію, къ развитію является апріорнымъ фактомъ, первоосновою всякой культуры. Это совершенствованіе, это развитіе сводится къ тому, чтобы дать развернуться человѣческимъ дарованіямъ и силамъ, всесторонне использовать наличные духовные задатки и содѣйствовать проявленію вновь нарождающихся. Подъ «природою», формуемою человѣкомъ, надо разумѣть всѣ данныя какъ внѣшней, тѣлесной природы, такъ и внутренней, т.-е. всю сумму побужденій и наклонностей, заключающихся въ самомъ человѣкѣ. Идея «совершеннаго» человѣка означаетъ не что иное, какъ гармоничное развитіе всѣхъ его способностей. Не допустить гибели однѣхъ и возобладанія другихъ и направить всѣхъ совокупно къ достиженію наивысшаго общаго результата—въ этомъ, въ послѣднемъ счетѣ, вся суть человѣческаго развитія, именуемаго «прогрессомъ». Вотъ единственно вѣрный масштабъ для производства оцѣнки съ точки зрѣнія понятія культуры. Начатки культуры встрѣчаются уже у первобытныхъ народовъ, но полнота культуры—идеаль, къ которому мы, пожалуй, можемъ и будемъ все болѣе и болѣе приближаться, но который никогда и нигдѣ пока не былъ осуществленъ въ полной законченности; въ этомъ случаѣ дѣло обстоитъ совершенно такъ же, какъ со всѣми идеями и идеалами вообще.

Культура не есть дѣло рукъ или ума отдѣльныхъ лицъ, а плодъ усилій цѣлыхъ поколѣній. Правда, индивидуумъ можетъ дѣйствовать культурно, содѣйствовать культурѣ, обогащать и видоизмѣнять ее, но явленія, которыя столь же обуславливаютъ, сколько и знаменуютъ собою прогрессъ человѣчества, какъ-то языкъ, наука, религія, техника и т. д., создаются только путемъ комбинированной дѣятельности многихъ лицъ въ обществѣ и многихъ преемственно смѣняющихся въ немъ поколѣній. Культура, стало-быть, прежде всего дѣло рукъ человѣческихъ, въ противоположность природѣ, затѣмъ, она—явленіе духовнаго порядка, и, наконецъ, она продуктъ

соціальною творчества. Изъ этого вытекаетъ, что исторіи культуры, какъ съ факторами культурнаго развитія, приходится считаться, во-первыхъ, съ свойствами человѣка и окружающей его «среды», во-вторыхъ, съ духовными силами человѣка вообще и въ частности, въ третьихъ, съ соціальною основою культуры. Различія въ этихъ факторахъ неминуемо влекутъ за собою и различія въ характерѣ и степени культуры въ той или другой группѣ людей.

Культурная исторія имѣетъ свою задачу изображить ходъ развитія культуры отъ ея началъ до той вершины, которой она достигла въ данное время. Выступая какъ всеобщая исторія культуры, она даетъ обзоръ наиболее важныхъ и характерныхъ результатовъ всѣхъ эпохъ; въ видѣ же спеціальной исторіи культуры она трактуетъ о культурѣ или отдѣльныхъ народовъ, или извѣстныхъ періодахъ, или, наконецъ, о развитіи того или другого культурнаго явленія. Въ качествѣ вспомогательныхъ наукъ, культурная исторія пользуется прежде всего политической исторіею, въ соединеніи съ коей она составляетъ универсальную исторію, далѣе, палеонтологіею, антропологіею, этнологіею, археологіею, сравнительнымъ языкознаніемъ, сравнительною исторіею религій, права, искусства и литературы, хозяйства, техники и т. д.; особенно важны для нея соціологія и коллективная психологія (психологія народовъ).—Методы культурной исторіи тѣ же, что и исторіи вообще. Выводамъ психологіи она должна удѣлять большое вниманіе. Культурныя дѣянія суть акты духовнаго порядка, которые, какъ таковые, должны изучаться психологически, съ точки зрѣнія внутреннихъ мотивовъ и вѣншихъ къ нимъ поводовъ; всюду требуется вскрывать духовныя побужденія, изъ коихъ сознательно или безсознательно, преднамѣренно или произвольно возникаетъ культурная дѣятельность.

§ 2. Происхожденіе культуры. Не о возникновеніи культуры во времени мы здѣсь намѣрены вести рѣчь, должно вскрыть истинный источникъ культуры. Тотъ механизмъ, которымъ она непрерывно порождается. Дѣло идетъ о свойствахъ и силахъ культурной дѣятельности, которыя дѣлаютъ ее, какъ таковую, понятной и возможной. Если человѣкъ есть факторъ, творящій культуру, то надо себѣ выяснитъ сущность человѣческой природы, которая лежитъ въ основѣ всякой культуры, и изъ которой мы только въ состояніи вывести специфическое содержаніе понятія культуры. Каково бы ни было происхожденіе человѣка, несомнѣнно то, что онъ не прерываетъ собою общей цѣпи природы, и что, какъ организмъ, онъ обозначаетъ собою прежде всего одну изъ ступеней въ развитіи самой природы. Правда, человѣкъ возвышается надъ при-

родою, выступая по отношенію къ ней самостоятельно, но это на самомъ дѣлѣ означаетъ лишь то, что, въ лицѣ его, природа возвышается надъ самой собою, преодолеваетъ себя же, хотя, конечно, не какъ природа въ прямомъ смыслѣ, не какъ совокупность матеріальныхъ силъ, а какъ нутро природы, какъ духъ, какъ духовная активность, возможность къ коей, въ зародышномъ состояніи, должна таиться уже въ стихійномъ бытіи. Въ человѣкѣ, какъ принято выражаться, природа начинаетъ приходить къ сознанію своей собственной внутренней сущности. По подобію другихъ существъ, человекъ выступаетъ на поприще своей дѣятельности какъ твореніе природы, въ дальнѣйшемъ же ходѣ своего развитія онъ все болѣе и болѣе удаляется отъ первоначальнаго «естественнаго» состоянія, съ одной стороны видоизмѣняя природу по-своему, съ другой — преобразовывая себя самого въ существо особаго порядка, пытающееся, въ конечномъ счетѣ, возстановить, на этотъ разъ уже сознательно и по свободному влеченію, утраченную связь съ природою. Много у человека общаго съ сродными ему твореніями природы, животными. Подобно имъ, онъ обладаетъ тѣлесною организмоустроенными органами для поддержанія своей жизни, подобно имъ онъ надѣленъ суммою инстинктовъ, побуждающихъ его стремиться къ полезному и избѣгать вреднаго. Но есть еще извѣстныя тѣлесныя преимущества, отличающія человека отъ животныхъ. Четыре главныхъ качества, вмѣстѣ взятые, органически образуютъ человѣческое существо: прямая осанка, свободное пользованіе руками, обладаніе органами рѣчи и, наконецъ, чрезвычайное развитіе мозга, центральной нервной системы вообще. Тогда какъ въ отношеніи другихъ органовъ и функцій человекъ долженъ уступать другимъ животнымъ, онъ, благодаря указаннымъ четыремъ преимуществамъ, высоко подымается надъ всѣми животными. Въ особенности структура нервнаго аппарата отводитъ человеку совершенно исключительное положеніе, несмотря на все его родство съ другими живыми существами. Правда, болѣе сложное и тонкое строеніе центральной нервной системы не есть, какъ полагаетъ поверхностный матеріализмъ, «причина», но зато безусловный симптомъ, какъ бы внѣшняя сторона или объективация болѣе дифференцированной, утопченной духовной жизни, болѣе совершенной духовной организаціи. И она-то и является той линіею, которая, проходя между человекомъ и животнымъ, отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга.

Что человекъ надѣленъ болѣе сложною центральною нервною системою или, что то же, болѣе высокими духовными способностями, только отчасти можетъ быть объяснено внѣшними и внутренними вліяніями. Конечныя причины этого теряются въ отдаленнѣй-

шемъ прошломъ общаго процесса развитія, пройденнаго частью организмовъ, оказавшихся въ сравнительно болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Несомнѣнно лишь то, что человѣкъ произошелъ изъ рода организмовъ, у которыхъ приспособленіе къ условіямъ жизни и «естественный отборъ», поскольку онъ имѣлъ мѣсто, содѣйствовали дифференціаціи и утонченію какъ-разъ именно нервныхъ органовъ. Дальнѣйшее развитіе человѣка точно также коснулось менѣе его тѣлесной, нежели мозговой организаціи. Съ точки зрѣнія психологін, точкою отправления эволюціи человѣка является его духъ, психика, сознание. Эта эволюція показываетъ, что пассивная, чисто-реактивная жизнь инстинктами все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто состоянію активной, самопроизвольной духовной дѣятельности, что мышленіе, т.-е. самостоятельное сужденіе и заключеніе (разсудокъ и разумъ), комбинирующая фантазія, сознательная воля, планомерное поведеніе, говоря коротко, методически дѣйствующій умъ получаетъ все болышій и болышій перевѣсъ надъ чувственною жизнью и простымъ ассоціированіемъ представленій. Къ этому привели два обстоятельства: недостатки тѣлесно-духовной организаціи человѣка въ естественномъ состояніи въ связи съ его повышенными потребностями, обусловленными его болѣе тонкою нервной системою. Человѣку недостаетъ многихъ вѣрныхъ инстинктовъ, многихъ навыковъ и силъ, присущихъ другимъ живымъ существамъ, и, несмотря на это, въ немъ сильно пріобрѣтенное эволюціоннымъ путемъ стремленіе къ жизни, къ «хорошей» жизни. Онъ—существо, сознающее несовершенство своей природы, не мирящееся спокойно съ этимъ положеніемъ и обладающее разнообразными потребностями. И эти-то потребности и не даютъ человѣку покоя до тѣхъ поръ, пока онъ не превозможетъ недостатки своей естественной организаціи. Онъ заставляетъ его создавать себѣ, взамѣнъ тонкихъ природныхъ органовъ, искусственныя орудія, приспособлявать къ своимъ надобностямъ какъ вѣшную, такъ и собственную внутреннюю природу, къ виду невозможности самому приспособляться къ природѣ удовлетворительнымъ образомъ, однимъ словомъ, дѣлаютъ изъ него существо культурное. Стремленіе къ улучшенію, обезпеченію, обогащенію и утонченію нашего существованія, а чрезъ это и насъ самихъ, стремленіе къ совершенствованію есть послѣдній субъективный источникъ того, что мы называемъ культурою. Поскольку человѣкъ самой природою вынуждается самодѣятельно устривать, направлять и культивировать свою жизнь, онъ долженъ разсматриваться какъ существо, отъ природы предна-

значенное къ культурѣ, и уже однимъ этимъ произносится приговоръ надъ дѣлаемыми часто попытками устанавливать между культурою и природою абсолютно враждебныя отношенія. Стремящійся къ культурѣ человѣкъ удаленъ отъ природы, заставилъ природу себѣ служить, но онъ никогда отъ нея не «отрекался», не измѣнялъ ей, ибо сама природа желала видѣть его своимъ господиномъ. Какъ въ этомъ своемъ стремленіи онъ подчасъ сбивается на ложный путь, и почему это происходитъ, мы увидимъ потомъ.

Въ культурѣ человѣческій духъ создаетъ себѣ новый міръ, міръ, болѣе отвѣчающій его потребностямъ, желаніямъ и требованіямъ, нежели одна природа, міръ, предоставляющій ему все новыя возможности приложенія и развитія соотвѣтственныхъ силъ и способностей. Но одинъ только интеллектъ, одна лишь воля еще не производятъ культуры; только разумъ въ соединеніи съ дѣятельною энергіею, съ сильною волею можетъ совершить это чудо.

§ 3. Созидательныя силы культуры. Инстинкты и потребности вызываютъ созидательную культурную дѣятельность, потребности, отчасти заключающіяся изначально въ природѣ человѣка (первичныя инстинкты), отчасти обусловленныя особымъ состояніемъ физической среды, отчасти составляющія уже осадокъ, произведеніе самой культуры (вторичныя инстинкты и потребности). Прежде всего жизненная нужда побуждаетъ человѣка создавать себѣ новыя средства, когда средства природы оказываются недостаточными для удовлетворенія инстинктовъ самосохраненія. Не слѣдуетъ, однако, думать, что недостатокъ, какъ таковой, или одинъ недостатокъ самъ по себѣ и есть то, чему мы обязаны своею культурою. Примѣръ многихъ «дикихъ» народовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что даже весьма неблагоприятныя, скверныя условія жизни сами по себѣ еще не даютъ импульса къ улучшенію существованія. Для того, чтобы этотъ толчокъ былъ данъ, требуется налице особаго момента, а именно, помимо способности ощущать недостатокъ какъ таковой, еще и сильное побужденіе къ его устранинью и, главное, энергія воли, для того, чтобы направить свои усилія въ этомъ смыслѣ и уже настоящимъ образомъ довести начатое до конца. Тамъ, гдѣ эти качества отсутствуютъ, или нѣтъ вовсе культуры, или же достигается только минимальная культура, господствуетъ скудость культуры. Почему извѣстнымъ расамъ, народамъ присущи указанныя качества, не можетъ быть совершенно ясно рѣшено. Многое придется отнести на счетъ среды, которая отчасти путемъ «прямого приспособленія», отчасти путемъ подбора создаетъ такую энергію воли и дѣйствія. Стоить, однако, всмотрѣться въ то, какъ различно реагируютъ группы людей, находящихся въ одинаковыхъ жизненныхъ условіяхъ,

и мы убедимся, что, къ какимъ отдаленнѣйшимъ физическимъ обстоятельствамъ ни отодвигать зарождеііе творящихъ культуру свойствъ человека, приходится остановиться на чемъ-то не поддающемся дальнѣйшему расчлененію, что дѣлаетъ однѣ расы «благородными» и дѣятельными, другія же «низкими» и вовсе неспособными къ культурѣ.

Къ первичнымъ потребностямъ принадлежатъ не только такія потребности, которыя вызываются ощущеніемъ какого-либо недостатка, которыя лежатъ въ основаніи нашего попеченія о жизни, но и потребности «функціональныя». Подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть потребности, коренящіяся въ стремленія тѣлесныхъ и духовныхъ органовъ къ соотвѣтственной дѣятельности, къ отправленію своихъ функцій. Чувства хотятъ быть заняты, тѣло нуждается въ движеніи, фантазія, мышленіе не желаютъ бездѣйствовать или функціонировать односторонне. Накопляющаяся временами, вслѣдствіе бездѣйствія или непримѣненія, энергія требуетъ себѣ выхода, разряженія, и это вызываетъ именно дѣйствія, поступки, изъ коихъ возникаютъ, по крайней мѣрѣ, начатки культурныхъ явленій. Въ особенности эстетическая культура восходитъ сюда однимъ изъ своихъ корней. Всякая игра первымъ долгомъ основывается на такой потребности въ функціонированіи. Занятіе ради забавы въ формѣ игры, однако, часто предшествуетъ серьезной, сознательной культурной работѣ, предваряетъ ее. Значеніе игры для упражненія и совершенствованія тѣлесно-духовныхъ функцій должно быть оценено во всей своей важности (что, впрочемъ, теперь уже дѣлается К. Гросомъ, Балдвиномъ и др.).

Вторичныя инстинкты и потребности являютъ порожденіями самой культуры и, въ свою очередь, влияют на ходъ ея развитія. Все заново создаваемое лишь съ помощью долгой и упорной работы многихъ поколѣній, все, могущее служить къ большому обезпеченію и увеличенію удобствъ жизни, къ удовлетворенію ума и сердца, благодаря именно тому, что обладаніе всѣмъ этимъ входитъ въ привычку, становится какъ бы органическою потребностью культурнаго человека. Оно постепенно преобразовываетъ все его существо настолько, что жить безъ этихъ пріобрѣтеній культурной работы ему кажется почти невозможнымъ; мало того, они даютъ ему импульсы къ новымъ усиліямъ по пути уже достигнутыхъ успѣховъ. Первоначально довольно скромные запросы на всякаго рода культурныя блага, благодаря самой культурѣ, все болѣе и болѣе разрастаются какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ. Пресыщеніе старымъ и жажда новизны играютъ при этомъ такую же роль, какъ и измѣнившееся объективное состояніе культуры, возбуждающее уже какъ таковое все новыя потребности.

Большую важность для динамики культурной жизни имѣетъ

психологическій законъ гетерогоніи цѣлей. Онъ гласитъ, что дѣйствія и слѣдствія какихъ-либо поступковъ, совершаемыхъ съ извѣстною цѣлью, могутъ сами стать цѣлями дѣятельности, хотя бы эти дѣйствія раньше таковыми вовсе не были. Такъ возникаютъ постоянно новыя цѣли, новые стимулы для культурной дѣятельности; такъ расширяется область цѣлесообразнаго и цѣннаго для человѣка, безъ того, чтобы знаніе, предвидѣніе всѣхъ этихъ слѣдствій должно быть заранѣе налицо. Всякое культурное приобрѣтеніе можетъ, такимъ образомъ, стать исходнымъ пунктомъ для новыхъ успѣховъ. Для примѣра, сошлемся на использование побочныхъ продуктовъ промышленнаго производства, послѣдствія усовершенствованныхъ средствъ сообщенія и т. д.

Одного взгляда на эволюцію культуры достаточно, чтобы убедиться въ дѣйствительности общаго закона духовнаго развитія: переходъ чувственно-инстинктивнаго и полупассивнаго сознанія въ активную мысль, въ ясную телеологию, въ самостоятельно дѣйствующую творческую волю, и «механизация» духовной жизни, т.-е. ускоренное и инстинктивное отправленіе волевыхъ актовъ благодаря повторенію, упражненію и навыку, чѣмъ и бережется масса духовной энергіи для свободнаго приложенія ея къ новымъ цѣлямъ.

Что касается отдѣльныхъ пружиинъ культуры, то достаточно здѣсь указать на разнообразіе потребностей и мотивовъ, могущихъ вызывать дѣятельность человѣка. Совмѣстнымъ дѣйствіемъ матеріальныхъ и духовныхъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ или эстетическихъ, индивидуальныхъ и социальныхъ потребностей создаются различныя частныя области культуры, о которыхъ придется говорить ниже. Подчеркнемъ въ этомъ мѣстѣ еще лишь одинъ моментъ, важный для культурнаго развитія: это—стремленіе къ счастью, эвдемонистическое начало. Данное стремленіе, безъ сомнѣнія, играетъ фундаментальную роль въ исторіи человѣчества; но все же слѣдуетъ остерегаться двухъ заблужденій. Одно заблужденіе — это вѣра, будто абстрактное «стремленіе къ счастью» руководитъ людскими дѣйствіями. Большею частью дѣло обстоитъ не такъ, ибо сознательное стремленіе къ одному только счастью, къ счастью, какъ ближайшей цѣли, во-первыхъ, во многихъ отношеніяхъ само по себѣ продуктъ культурнаго развитія, и, во-вторыхъ, оно является скорѣе индивидуальнымъ, частнымъ явленіемъ, нежели фактомъ коллективнаго порядка. Вообще же—и это будетъ уже вторымъ заблужденіемъ—удовольствіе и неудовольствіе могутъ быть мотивами, но не цѣлями дѣятельности: мы обыкновенно желаемъ и дѣлаемъ что-нибудь потому, что намъ доставляетъ удовольствіе дѣлать и имѣть это, или же потому, что неимѣніе его причиняетъ намъ неудовольствіе; но наша воля отнюдь не направлена прямо на достиженіе этого состоянія чувствъ, какъ гоговаго.

Очень часто только опытъ, доказывающій, что извѣстные предметы вызываютъ собою удовольствіе, побуждаютъ насъ домогаться ихъ ради нашего благополучія, хотя и это имѣетъ мѣсто лишь тогда, если человѣкъ вслѣдствіе притупленія, чрезмѣрнаго возбужденія, насыщенія или слабости воли перестаетъ находить удовлетвореніе въ своихъ дѣйствіяхъ и ихъ объективныхъ продуктахъ. Здоровый, «нормальный», свѣжій человѣкъ работаетъ, дѣйствуетъ ради самого дѣла, которое онъ хочетъ осуществить; онъ хочетъ проявить свои силы, «изжить» себя, при условіи, что неблагопріятныя обстоятельства жизни, лишенія и неудачи не принудятъ его къ чрезмѣрно суровому, не свойственной его природѣ труду. Этимъ объясняется, почему, несмотря на всѣ сопряженныя съ культурною дѣятельностью неудобства и тягости, несмотря на всѣ заминки и нарушенія, вносимыя ею въ спокойное теченіе личнаго житія-бытія, ряды сильныхъ тѣломъ и духомъ людей продолжаютъ шествовать впередъ по разъ избранному пути культуры, не останавливаясь ни передъ какими заботами и муками, горестями и страданіями, при этомъ выпадающими на ихъ долю. Итакъ, человѣкъ выступаетъ существомъ, завоевывающимъ себѣ культуру.

§ 4. Ростъ и упадокъ культуры. Необходимы благопріятныя условія, дабы могла зародиться культура, необходимы благопріятныя обстоятельства, дабы эта культура могла сохраниться и развернуться.

Если существенными факторами возникновенія всякой культуры являются раса и среда, то, кромѣ этого, должны быть налицо еще другія, нерѣдко довольно сложныя причины, вліяющія на развитіе культурной жизни, дающія ему то или другое направленіе. Эти причины могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ: къ отношеніямъ одного народа къ другимъ народностямъ и къ состоянію культуры народа, которое, будучи само слѣдствіемъ предыдущаго развитія, въ свою очередь, становится причиною новыхъ перемѣнъ. Отношенія къ другимъ народамъ различаются съ точки зрѣнія ихъ дружественнаго или непріязненнаго характера. Исторія неоднократно поучаетъ насъ о томъ, какъ, благодаря покоренію какого-нибудь народа и заселенію его страны побѣдителями, видоизмѣняются двѣ культуры, принимаютъ нѣсколько иное направленіе. Оба народа заимствуютъ другъ у друга кое-что въ отношеніи культуры; ихъ культуры смѣшиваются, но такимъ образомъ, что высшая культура, получая все большее и большее преобладаніе, наконецъ, зачастую пріобрѣтаетъ полное и исключительное господство. Новая жизнь, новыя энергіи вливаются такимъ путемъ въ культуры, либо уже застывшія, либо, при иныхъ условіяхъ, способныя только къ болѣе медленному развитію. Примѣрами образованія